

Лука застыл на месте, словно окаменев от этого тона, напоминавшего не то шепот, не то капризное воркование.

Он привык, что подобное поведение свойственно милым девушкам, или Найбу, когда того пробивало на актерство, или Лили с Эммой, когда они собирались вместе, чтобы подшутить над ним. Но чтобы такое исходило от господина Альвы — это было просто невыносимо.

Уголок рта Луки дернулся.

— Я... мне что-то нехорошо. Пойду прилягу, — пробормотал он.

Стоило ему развернуться, как мужчина крепко схватил его за руку. Лука скосил взгляд, уставившись на место, где их кожа соприкасалась, и нахмурился.

Альва, по-видимому, осознал, что его жест был непривычно грубым, и поспешно, как-то неловко разжал пальцы.

— Прости, — на его губах появилась неловкая улыбка. — Если тебе все еще плохо, может, стоит сходить к Эмили?

Мысли Луки все еще крутились вокруг того, как Альва отдернул руку. В конце концов, Альва — мужчина, причем старше его. Взрослый человек. В конце концов, нет ничего страшного в том, что кто-то схватил тебя за руку в такой ситуации, и Лука не был настолько мелочным. Но эта чрезмерная осторожность и робость, с которой Альва держался при нем, раздражали.

Он сам не знал, что именно его злит. Просто неприятно было видеть, как тот не может быть собой, как пытается подстроиться, становясь тише воды, ниже травы. Луке совершенно не нужно было такое особое отношение.

— Эмили и так загружена учебой и делами в лазарете, не стоит беспокоить ее по пустякам, — сказал Лука, хотя прекрасно знал, что Эмили вовсе не так занята, как он утверждает — он часто видел, как она уходит гулять с Эммой.

Казалось бы, ничего особенного, но Альва вдруг тихо рассмеялся.

Светлая улыбка мягко скользнула по его губам, сдержанная и нежная, как кувшинки на пруду летней ночью — зрелище было поистине завораживающим.

Лука закусил губу:

— Чего... чего ты смеешься?

— Лука, ты всегда так наплевательски относишься к своему здоровью?

Лука, услышав это, скрестил руки на груди, принимая вид важного и капризного юного господина.

— Да. И что с того? Разве это такая уж проблема?

— А если бы тебя об этом попросил друг, ты бы тоже не обратил внимания?

— Ну да, — Лука недоуменно нахмурился. Какая разница, кто именно спрашивает?

— О, вот как, — улыбка Альвы стала горькой. Он кивнул в сторону комнаты Луки. — Отдыхай. Не буду тебе мешать.

— М-м... — Лука машинально кивнул и, уже собираясь уйти, нерешительно оглянулся.

О чем он говорит, какое еще беспокойство? Это ведь Лука пришел в гости, это же территория Альвы. В последние дни Альва вел себя так обходительно, что это сбивало с толку.

Проводив Луку взглядом до самой комнаты, Альва медленно подошел к уголку дивана, где только что сидел парень. Он был крупнее Луки, и под его весом на сиденье осталась глубокая вмятина. Альва попытался устроиться поудобнее, словно надеясь, что, зарывшись глубже, он окажется ближе к запаху Луки.

На его лице проступила печать глубокой усталости. Хотя в комнате он был один, мужчина закрыл лицо ладонями.

Две горячие слезы скатились по щекам, достигли подбородка, сорвались и упали на белоснежный рукав рубашки. В этот момент мужчина, который не умел выражать чувства, но обладал огромным чувством собственного достоинства, беззвучно плакал в уголке, пропитанном ароматом любимого человека.

Раньше Лука всегда казался при нем болезненным и хрупким, таким мужским воплощением Линь Дайюй.

Господин Альва, я вчера допоздна писал заданную вами работу, посмотрите на мои синяки под глазами, они скоро до пола достанут...

Знаете, что случилось? Вы не поверите, Джек так сильно сдал позиции, и все из-за Найба...

Мне так плохо, кхе-кхе... Господин Альва, подуйте мне на больное место, пожалуйста, сразу

станет легче...

Альва Альва, посмотрите на меня.

Альва всегда знал, что Лука делает это лишь как предлог, чтобы поговорить и заодно покапризничать. Но только сегодня он понял, что Лука вел себя так исключительно с ним. Оказывается, с другими людьми Лука был совсем не таким — простым и открытым.

Капризничал с ним, старался ради него, проявлял собственничество по отношению к нему...

Он относился к нему совсем не так, как к остальным.

— Но сегодня... сегодня хотя бы есть прогресс, — прошептал Альва, усмехаясь над самим собой. Он отнял руки от лица и снова уткнулся в складки дивана.

По крайней мере, сегодня он сможет уснуть, вдыхая аромат Луки. После того, как память Луки стерлась, это было для него настоящим даром судьбы.

Лука никак не мог ожидать, что ему придется пережить ту страшную аварию дважды.

Один раз в реальности, а второй — сейчас, во сне.

Разница была лишь в том, что он находился в состоянии, напоминающем выход души из тела, и наблюдал за происходящим со стороны.

Было очень шумно... и жарко... Казалось, его призрачное сердце вот-вот выпрыгнет из груди и улетит в небо.

Ситуация неясная, пожалуйста, не мешайте врачам спасти пациента.

Очень больно... тело пронзала боль... и на душе было больно... тесно...

— Доктор, спасите его! Он же такой молодой... он даже ни с кем не встречался, это так ужасно, нельзя позволить ему уйти! — Найб рыдал, размазывая слезы по лицу. Звучало это нелепо, но его выражение лица было таким, что смеяться не хотелось.

Душа Луки безмятежно парила в воздухе, и первой его мыслью было: Любовь — это для дураков. Вот надо же было мне так вляпаться, влюбиться в первого же человека, который оказался таким холодным...

Мысль промелькнула и исчезла. И только тогда он осознал: подождите, кто? Кто был тем первым человеком, которого он полюбил?

Нортон стоял с мрачным лицом, совсем не похожий на того весельчака, каким был в союзе. Молча, он обхватил руками рыдающего Найба.

Илай сделал шаг вперед:

— Доктор, он в сознании?

— Состояние комы, сознание слабое. Сможет ли он полностью очнуться, зависит от того, есть ли у него самого желание жить.

Илай молча кивнул, и его блуждающий взгляд случайно встретился с душой Луки, парящей в воздухе.

Лука (занимаясь самовнушением): Ты меня не видишь, ты меня не видишь...

Илай (нахмурившись): Кажется, там что-то есть... Да нет, неважно, есть дела поважнее.

В полузабытье Лука вдруг заметил высокого мужчину, смешавшегося с толпой. Лица было не разглядеть, но его строгая, величественная стать показалась смутно знакомой. Где-то он его уже видел.

<http://bllate.org/book/18473/1772044>